

23. Strategic Concept. For the Defence and Security of The Members of the North Atlantic Treaty Organisation, Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Lisbon, 19–20 Apr. [Electronic resource]. URL: http://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_publications/20120214_strategic-concept-2010-eng.pdf / (дата обращения: 11.05.2013).

24. Sauer T., Zwaan B. V. U. S. Tactical Nuclear Weapons In Europe After NATO's Lisbon Summit: Why Their Withdrawal Is Desirable and Feasible // Discussion Paper. 2011. 05. P. 25.

25. Sauer T. U. S. Tactical Nuclear Weapons: A European Perspective // Bull. of the Atomic Scientists. 2010. P. 65–75.

26. U. S. Developing Guided Tactical Nuclear Weapons for Europe // Scrap Trident, 22 April 2013 [Electronic resource]. URL: <http://scraptrident.org/682/> (дата обращения: 11.05.2013).

27. Willbert Van Der Zeiden. NATO nuclear weapons and the Defence abd Deterrence Posture Review: a non-consensual debate [Electronic resource]. URL: <http://www.opendemocracy.net/opensecurity/wilbert-van-der-zeijden/nato-nuclear-weapons-and-defence-and-deterrence-posture-review> (дата обращения: 11.05.2013).

28. Willbert V. D. Z. Susi Snyder and Peter Paul Ekker Exit Strategies. The case for redefining NATO consensus on U. S. TNW. Apr. 2012. P. 9–14.

Рукопись поступила в редакцию 12 сентября 2013 г.

УДК 623:355.019.1 + 327.57

П. А. Синовец

РОССИЯ — США: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДВУХСТОРОННЕГО ДИАЛОГА В ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

В статье рассматриваются ключевые проблемы военно-стратегического диалога между Российской Федерацией и Соединенными Штатами, а также их влияние на будущее переговоров по сокращению стратегических ядерных вооружений. Наибольшее внимание уделяется анализу так называемой проблемы ПРО в контексте российской позиции, анализируется также вопрос современного дисбаланса между Россией и НАТО по высокоточным конвенционным вооружениям. Предлагается ряд вариантов преодоления тупика в диалоге РФ и США за счет выработки совместного компромиссного подхода, основанного на взаимоучете наступательных и оборонительных видов вооружений.

Ключевые слова: международная безопасность, противоракетная оборона, высокоточные вооружения, стратегические вооружения, нестратегическое ядерное оружие.

Амбициозная программа «глобального ядерного нуля», заявленная президентом Бараком Обамой в 2009 г., к началу второй президентской каденции столкнулась с рядом проблем и препятствий. Одна из таких основных проблем — продолжение диалога с Российской Федерацией по дальнейшему сокращению стратегических вооружений. Соответствующая договоренность существовала между Москвой и Вашингтоном в 2010 г., к моменту заключения Нового договора СНВ. По логике, через десять лет его должен сменить дого-

вор, обязывающий стороны к более существенным сокращениям ядерных арсеналов [11].

Нынешняя позиция Москвы по данному вопросу существенно отличается от американской; согласно аргументам российского руководства дальнейшие сокращения ядерных вооружений окажут негативное влияние на состояние ядерного сдерживания государства [3].

Целью статьи является определение ключевых препятствий на пути диалога РФ и США в области дальнейшего сокращения стратегических вооружений в контексте выработки автором определенных рекомендаций в этом направлении.

Необходимо отметить, что проблемы российской стратегической политики широко рассматриваются как в российской, так и в американской литературе. Среди трудов российских экспертов следует указать монографии и статьи А. Арбатова [1, 12], В. Дворкина [10], Е. Мясникова [7], В. Есина [5, 20], А. Рогова, В. Ярыныча, П. Золотарева [20] и других ученых. Американские работы в данном направлении представлены такими авторами, как С. Цимбала и П. Райнов [14], Н. Соков [21], К. Либер и Д. Пресс [16] и др.

В то же время, невзирая на большой массив аналитических работ, посвященных анализу российской стратегической ядерной политике, трудов на тему разрешения конкретных практических проблем российско-американского стратегического диалога достаточно немного, что подтверждает актуальность данного исследования.

Прежде всего, для того чтобы реалистично оценить нынешнюю позицию Москвы, следует проанализировать ряд вопросов, ставших ключевыми для ее оформления. В частности, особо важной нам представляется так называемая проблема ПРО, а именно противоречия Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в области противоракетной обороны, которые следует рассматривать в контексте ситуации развития российской ракетной отрасли в постбиполярный период. Также будет упомянута проблема отставания России по обычным вооружениям, что в определенной степени влияет на позицию государства по сохранению нестратегического ядерного оружия.

Истоки так называемой проблемы ПРО необходимо искать еще в Договоре об ограничении систем противоракетной обороны, который СССР и США подписали в 1972 г. Договор (наряду с Протоколом 1974 г.) фиксировал отказ обоих государств от создания стратегических систем защиты, что стало своеобразным символом стратегического паритета между Москвой и Вашингтоном в годы холодной войны [4].

Несмотря на очевидное изменение геополитических реалий после распада СССР, выход США из Договора в 2001 г. был воспринят Российской Федерацией как удар по стратегическому равновесию, которое, как и в годы холодной войны, все еще фиксирует паритет ядерных арсеналов РФ и США.

На сегодняшний день администрация президента Обамы говорит лишь о развертывании систем ПРО ТВД в Европе, однако исторический опыт свидетельствует о достаточной условности разделения систем ПРО на стратегические и тактические. В истории уже имеются прецеденты, когда развертывание

тактической ПРО или ПРО театра военных действий (ТВД) США со временем превращалось в развитие систем стратегических.

В частности, в 1990-е гг. разработка и наращивание американских систем ПРО ТВД способствовала инициированию Вашингтоном дискуссии о необходимости внесения поправок в Договор 1972 г., который администрация Клинтона все еще признавала «краеугольным камнем стратегической стабильности».

Проблема разграничения систем ПРО была предметом обсуждения на всех российско-американских встречах на высшем уровне, состоявшихся в 1995–1997 гг.

В итоге по Соглашению о демаркации систем противоракетной обороны, подписанному марте 1997 г., нестратегической признавалась любая система, которая не была испытана против стратегической цели, и соответственно ограничения Договора о ПРО на нее не распространялись [23].

Соглашение никак не сдерживало развертывания космических компонентов в случае, если было заявлено, что они являются компонентами нестратегических систем ПРО. Отсутствие ограничений на космические компоненты оставляло государствам определенную лазейку для размещения в космосе систем обнаружения целей, а также возможного наведения на них перехватчиков. Как уже отмечалось, развертывание таких систем позволяет качественно изменить возможности нестратегических противоракетных систем, фактически переводя их в разряд стратегических. Следовательно, указанное соглашение практически полностью отменило основные положения Договора по ПРО [1, 46].

После прихода к власти президента Дж. Буша-младшего разграничение систем ПРО на национальную (т. е. стратегическую) и ПРО ТВД было отменено — обе системы интегрировали в «многоуровневую систему ПРО» [24]. Это значит, что любая ПРО ТВД, установленная на территории государств Европы, впоследствии может быть преобразована в стратегическую систему ПРО.

Именно опасение потенциального воздействия американской системы ПРО на стратегические ядерные возможности Москвы становится первоочередной для России с 2007 г., когда администрация Дж. Буша, а потом Б. Обамы поочередно предложили вначале расширить американскую систему ПРО на европейский континент, а затем создать Европейскую ПРО ТВД [15]. И хотя на сегодняшний день ракетно-ядерные возможности Москвы значительно превосходят заявленные параметры ЕвроПРО, у России нет гарантий того, что в будущем эта система не разрастется до уровня, способного нанести удар по ее ядерному сдерживанию.

Возможно, будущая конфигурация ПРО НАТО и не провоцировала бы столь серьезной озабоченности со стороны России, однако ситуация, в которой находятся стратегические ядерные силы РФ, выглядит довольно драматичной. Анализ состояния российских ядерных сил демонстрирует, что в течение первого двадцатилетия, последовавшего после окончания холодной войны, Москве удалось модернизировать лишь около 10 % своих стратегических ядерных сил (СЯС), остальные 90 % были произведены еще в рамках Совет-

ского Союза и постепенно срок их эксплуатации заканчивается [18]. Известно, в частности, что только утрата Украины, как основного производителя стратегических МБР в Советском Союзе, стоила России колоссальных средств, поскольку требовала воссоздания ракетной промышленности в собственных границах практически с нуля.

В конце 1990-х гг. американский эксперт Брюс Блэр, оценивая прогрессивную динамику упадка российских СЯС, выразил мнение, что неожиданная атака США сможет уничтожить все ядерные силы РФ. Исключением, по мнению Блэра, могли бы стать нескольких десятков мобильных межконтинентальных баллистических ракет (МБР), а также ракет на подводных лодках, не способных, однако, нанести Вашингтону реальный ущерб вследствие общих повреждений инфраструктуры и утери центральным руководством контроля за ракетами [13].

Почти десять лет спустя Кейр Либер и Дэррил Пресс отмечают по-прежнему высокий уровень уязвимости российских СЯС. Согласно их расчетам внезапная ядерная атака США приведет к тотальному разрушению ядерного потенциала Москвы — как результат его стремительного сокращения в 1990-е гг. Окончание эксплуатационных сроков советских ракет и отсутствие адекватных темпов замены на новые привело к тому, что в начале XXI в. уровни ядерных сил РФ по сравнению с советским периодом составили: 39 % тяжелых бомбардировщиков, 58 % МБР и 80 % БРПЛ [16, 22].

Статья Либер и Пресса была широко раскритикована как российскими, так и американскими экспертами, отмечавшими, что линейное конвертирование ракет в возможности является методологически неверным, равно как и оценка ядерного сдерживания через призму подобного анализа [18]. Во времена Карибского кризиса, по некоторым оценкам, соотношение ядерных сил между Москвой и Вашингтоном было 1 : 7, что тем не менее, с одной стороны, не помешало Советскому Союзу развернуть ракеты на Кубе, а с другой, удержало США от атаки острова, которая могла бы спровоцировать большую ядерную войну.

Сергей Крейдин и Виктор Сухорутченко выдвигают тезис о том, что даже одна ядерная боеголовка, гарантированно доставленная к цели, позволяет сохранить необходимый для сдерживания баланс страха, обеспечивающий «заданный» ущерб (т. е. потенциальный уровень разрушений, способный сдерживать противника от агрессии). Более того, по мнению ученых, Россия сможет нанести США даже «неприемлемый» ущерб, если, например, отталкиваться от критерия Брауна в 200 доставленных к цели боеголовок. Всего лишь две подводные лодки, несущие по 100 боеголовок каждая при 50 % уровне поражения уничтожат 100 целей соответственно, еще 100 пораженных целей будет обеспечено за счет 200 единиц наземной компоненты ударного потенциала [22, 14].

Тем не менее расчеты военных чаще всего основываются не на минималистских показателях, тем более что к 2020 г. Россия, вследствие деградации стратегических носителей, впервые за последние сорок пять лет утратит даже условный ядерный паритет с США.

Специалисты отмечают, что впервые в истории Москва будет вынуждена приложить большие усилия для того, чтобы удержать свои СЯС в рамках Договора СНВ-3, поскольку благодаря снятию с боевого дежурства советских МБР SS-18 (созданных еще на производствах советской Украины) количество российских ракет уменьшится примерно в три раза, т. е. окажется на уровне не 600 единиц (как в 2010 г.), а только 230. Ситуация аналогична также для стратегических подводных лодок РФ, которых в 2020 г. Москва будет насчитывать 3–4 (соответственно с 30–44 единицами баллистических ракет на них). Для сравнения: приблизительные показатели США в 2020 г. составят 420 МБР и 12 подводных лодок с 240 БРПЛ. Такая ситуация сохранится примерно до 2028 г., т. е. в течение примерно десяти лет Россия будет практически в два раза более уязвимой, нежели США, что усугубит еще и размещение натовских систем ПРО в Европе [12, 21]. Впервые за последние пятьдесят лет даже приблизительное стратегическое равновесие между Россией и США будет резко нарушено, что не может не беспокоить Москву, поскольку ядерное оружие со времен распада СССР и по текущий момент остается одним из главных политических козырей России.

Кроме того, такие процессы, как расширение НАТО, операция Альянса против Югославии в 1999 г., а также выход США из Договора о противоракетной обороне 1972 г. привели к росту опасений в России, что ее геополитические позиции и потенциал ядерного сдерживания находятся в опасности.

Чашу российского терпения переполнил отказ Альянса от создания совместной системы ПРО по российскому проекту, который российские коллеги рассматривали как некую страховку от возможных будущих действий НАТО. Россия выступала за создание ЕвроПРО по принципу «двойного ключа», согласно которому обе стороны должны принимать коллективное решение о сбивании вражеских ракет, кроме того, за Москвой будет закреплён свой сектор ответственности. В этой системе Россия отвечала бы за безопасность воздушного и космического пространства своих ближайших соседей — Польши, Литвы, Латвии и Эстонии, оставляя Альянсу ответственность за остальную часть Европы [9].

Стремление Москвы сделать ПРО взаимозависимой объясняется прежде всего тем, что только такая конфигурация системы ПРО обеспечила бы РФ четкую гарантию того, что она никогда не будет направлена против Москвы, соответственно не подорвет ее стратегического потенциала. Кроме того, помимо создания совместной системы ПРО, предложения уже неактуального на сегодняшний день, Россия поныне требует от НАТО юридически обязывающих гарантий того, что будущая система ПРО не нанесет ущерб ее стратегическому сдерживанию.

Нынешняя позиция НАТО состоит в том, что Брюссель не готов предоставить России юридические гарантии ограничений будущей европейской системы ПРО как по техническим, так и по политическим причинам. Технически невозможно гарантировать, что возможности системы ПРО будут ограничиваться лишь пределами Альянса. В свою очередь, политически США уже дали своим союзникам понять, что твердо намерены создать совместную евро-

атлантическую систему ПРО и отступить от этой цели не намерены [9]. Впрочем, Россию не устроит даже изменение позиции США по вопросу ПРО, если это изменение никак не будет зафиксировано юридически, т. е. не будет нести для Вашингтона никаких обязывающих последствий.

Ту же линию Москва продолжает и на нынешних переговорах по сокращению стратегических вооружений, которые вместе с оборонными системами и составляют диалектику ядерного сдерживания.

Российская сторона настаивает на включении в будущие переговоры всех вопросов, которые могут повлиять на баланс сил между США и НАТО, с одной стороны, и Россией — с другой. Помимо ядерных вооружений это система противоракетной обороны, а также обычные высокоточные вооружения большого радиуса. Серьезные опасения Москвы вызывают планы НАТО по наращиванию системы ПРО [2] (их не развеяло даже недавнее решение Вашингтона отказаться от финального этапа развертывания ЕвроПРО, заменив его размещением дополнительных противоракет на территории США), а также возможности новейших высокоточных вооружений Соединенных Штатов и их союзников [12, 20]. В частности, серьезное опасение вызывает появившаяся в США в последнее десятилетие доктрина «мгновенного глобального удара» (*global prompt strike*), которая предполагает возможность нанесения противнику точного обезоруживающего удара конвенционными военными средствами, в какой бы точке мира этот противник ни находился. Российское руководство опасается, что подобные конвенционные возможности США, в ситуации конфликта без объявления ядерной войны, смогут сыграть критическую роль в уничтожении российских вооруженных сил [17].

Указанные опасения являются ощутимым препятствием на пути к любому конструктивному диалогу в области контроля над вооружениями.

В основе сомнений Москвы лежит ее уверенность в том, что ядерное оружие играет роль ключевого противовеса превосходству Запада в других, прежде всего неядерных, видах вооружений. К примеру, сегодня российские нестратегические ядерные вооружения фактически заполняют разрыв между Россией и США в сфере высокоточных конвенционных вооружений (ВО). Наибольшей угрозой для себя Россия признает военные операции НАТО в Европе с массированным привлечением ВО, и российские эксперты нередко выражают мнение, что ракеты с ядерными боеголовками могут быть использованы для блокирования массированной атаки ВО [8]. Более того, их можно использовать как дополнительный механизм сдерживания любой конвенциональной атаки с привлечением высокоточных обычных вооружений.

Соответственно российское руководство не видит возможностей существенно сокращать ядерные арсеналы, по крайней мере до тех пор, пока между сторонами не будет достигнуто совокупное военное равновесие. При этом акцент Вашингтона на сокращение лишь ядерных видов вооружений представляется Москвой как не соответствующий духу нынешних российско-американских отношений и ориентированный на нейтрализацию российской обороноспособности [6, 51].

Чтобы идти вперед, необходимо ответить на вопрос, обладают ли США вариантами умерить российские опасения без того, чтобы пожертвовать интересами собственной национальной безопасности.

На сегодняшний день ресурсы классического ядерного сдерживания (сдерживания путем возмездия) достаточно ограничены для противостояния новым угрозам, с которыми сталкиваются Соединенные Штаты. Более эффективной стратегией в данном случае считается сдерживание путем разубеждения (*deterrence by denial*), которое значительно снижает его мотивацию к нападению [19, 94]. Для миссий, которые сегодня выполняют США, система ПРО и обычные высокоточные вооружения представляются куда более адекватными средствами, поскольку они, с одной стороны, снижают потенциальную эффективность атаки оппонента, а с другой, позволяют применить силу без обращения к ядерной угрозе. Однако тот факт, что основные регионы стратегической озабоченности США (Иран, например) расположены в непосредственной географической близости от России, означает, что эти средства в определенной степени затрагивают также безопасность Москвы. Они усиливают чувство оборонной уязвимости, поскольку способны, по крайней мере теоретически, понизить убедительность ядерного сдерживания РФ. Таким образом, США и НАТО невольно выглядят как сторона, подрывающая возможность Москвы «взаимного гарантированного уничтожения», которая со времен холодной войны считается основой стратегической стабильности. Страх утратить относительный стратегический паритет с США заставляет российские военные и политические круги опасаться новых раундов сокращений ядерного оружия.

Логическим выходом из данного тупика было бы объединение элементов стратегического равновесия, в которых заинтересованы обе стороны. Основная проблема состоит в асимметричности приоритетов каждой из сторон: США меньше заинтересованы в сохранении ядерных возможностей, в то время как Россия (по крайней мере до тех пор, пока не завершится процесс модернизации ее конвенционных вооружений) продолжает настаивать на их сохранении. Нестандартным решением было бы объединить их в две группы, что помогло бы преодолеть тупик в нынешних переговорах России и США по сокращению наступательных ядерных вооружений.

Первое предложение — включить ракетные перехватчики в следующий раунд по обговариваемым уровням ядерных вооружений. Вероятно, существует метод, по которому можно рассчитать соотношение между количеством утвержденных перехватчиков и стратегическими ракетами. Коэффициент соотношения мог бы быть либо один к одному, либо основываться на просчитанной эффективности перехватчиков, например по два или три на одну стратегическую ракету. Таким образом, России будет «компенсирована» система ПРО США, а обе стороны получат возможность более свободно формировать сочетание наступательных и оборонительных вооружений сообразно утвержденному коэффициенту. Точный коэффициент соотношения может быть определен в ходе консультаций технических экспертов по этому поводу.

Второе предложение основано на аналогичном принципе, который предусматривает соотношение между высокоточными обычными вооружениями США

и российским нестратегическим ядерным оружием (НСЯО). Опять же точный коэффициент соотношения должен определяться за столом переговоров — один к одному либо один к трем. Тот факт, что переговорный процесс наконец охватит НСЯО и высокоточные вооружения, станет позитивным шагом по снижению озабоченности США и РФ относительно арсеналов друг друга. В частности, будет поддержана инициатива президента Обамы по включению в следующий раунд переговоров как стратегических, так и нестратегических ядерных вооружений. Эти меры могли бы стать плодотворным началом для дальнейших переговоров по контролю над вооружениями. Также они могли бы быть представлены как промежуточные, действующие до тех пор, пока Россия не возродит возможности симметрично уравновесить американские противоракеты и высокоточные вооружения соответственно, уменьшив собственную опору на ядерные силы.

Таким образом, подводя итоги вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

1. Сформированный в годы холодной войны ядерный паритет между Россией и США постепенно размывается в постбиполярный период. Этому в немалой степени способствуют проблемы, связанные с утратой Россией экономической мощи и геополитического влияния Советского Союза, а также советской производственной ракетной базы.

2. Невзирая на ряд существенных проблем, связанных с развитием и поддержанием российских СЯС, на сегодняшний день все еще можно говорить о приблизительном паритете возможностей между Россией и США в ядерной сфере, который, однако, может быть преодолен к 2020 г. в силу как объективных, так и субъективных причин. Среди объективных — прежде всего постепенная деградация старой советской ракетной базы в лице МБР, произведенных на Южном машиностроительном заводе, которые ныне составляют почти половину всего ракетного потенциала РФ и чей ресурс эксплуатации будет завершен примерно к концу нынешнего десятилетия. Из субъективных — развитие высокоточных вооружений США, аналогов которым пока нет в России, а также строительство американской национальной и европейской систем ПРО, потенциально способных в будущем уменьшить эффективность российского ядерного сдерживания.

3. Поскольку ядерный статус на сегодняшний день остается единственным критерием, по которому Россия все еще сохраняет статус сверхдержавы, российское руководство настаивает на сохранении ядерного паритета, пытаясь воздействовать на инициативы США путем их блокирования и привлечения внимания к собственным требованиям в области контроля над вооружениями. Имеются в виду требования по юридическому ограничению развертывания систем ПРО, а также соглашения в области высокоточных вооружений.

4. Предложенные варианты по преодолению препятствий в переговорах по сокращению ядерных вооружений между Россией и США основаны на современных военно-стратегических особенностях каждого из государств и исходят из взаимных уступок. Учет первого и соблюдение второго позволили бы Москве и Вашингтону достичь своих целей, при равном соблюдении взаимных

интересов. Основной проблемой в данном направлении представляется возможность добиться от США юридически обязывающего соглашения, которое могло бы зафиксировать данные компромиссы на международно-правовом уровне.

1. *Арбатов А. Г.* Саммит Путин — Клинтон в процессе СНВ–ПРО // Ядерное распространение. 2000. Вып. 35. С. 44–48.

2. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 21 апреля 2000) // Независимая газета. 2000. 22 апр. № 74.

3. *Гладилин И.* В России, похоже, нашли асимметричный ответ Америке — KM.RU [Электронный ресурс]. URL: <http://www.km.ru/world/2013/04/23/mirovaya-ekspansiya-ssha/709514-v-rossii-pokhozhe-nashli-assimetrichnyi-otvet-ameri> (дата обращения: 23.04.2013).

4. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны. 26 мая 1972 [Электронный ресурс]. URL: www.armscontrol.ru/start/rus/docs/abm-treaty.htm (дата обращения: 10.05.2008).

5. *Есин В.* Опасения напрасны. Госдуме не следует затягивать ратификацию американо-российских договоренностей по стратегической стабильности // Независимое военное обозрение. 2002. 31 мая. № 17.

6. *Кортунов С.* Ядерный гамбит Барака Обамы // Индекс безопасности. 2011. № 3 (98). Т. 17. С. 39–56.

7. *Мясников Е.* Сокращения ядерных вооружений США и России и новый договор СНВ : выступление перед студентами на межпредметном семинаре в МФТИ 6 окт. 2010 г. / Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armscontrol.ru/pubs/em100610.htm> (дата обращения: 15.05.2011).

8. Новая инициатива Обамы неприемлема для России, считает эксперт // РИА новости [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/defense_safety/20130619/944291436.html (дата обращения: 19.06.2013).

9. *Орлов В. А.* Отсутствие совместных проектов усиливает взаимные подозрения // Коммерсантъ. 2011. 20 мая.

10. Россия и дилеммы ядерного разоружения / под ред. А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина, С. К. Ознобищева. М., 2012.

11. *Ульянова Ж.* Шире круг. Обама предложил Путину сократить ядерные арсеналы на треть // Газета.ru [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2013/06/19_a_5386933.shtml (дата обращения: 19.06.2013).

12. *Arbatov A.* Gambit or Endgame? The New State of Arms Control // The Carnegie Moscow Papers. 2011. March.

13. *Blair B.* Impact of NMD on Russia Nuclear Security // Report [Electronic resource]. URL: <http://www.cdi.org/hotspots/issuebrief/ch6/index.html> (дата обращения: 13.04.2002).

14. *Cimbala S. J., Rainow P. J.* Russia and Postmodern Deterrence. Washington D.C., 2007.

15. Evolution of Ballistic Missile Defense in Central Europe [Electronic resource]. URL: www.stratfor.com/memberships/168507/analysis/20100803_evolution_ballistic_missile_defense_central_europe (дата обращения: 10.02.2011).

16. *Lieber K. A., Press D. G.* The End Of MAD? The Nuclear Dimension of the US Primacy // International Security. 2006. Vol. 30, № 4. P. 7–44.

17. *Podvig P.* Russia and the Prompt Global Strike Plan // PONARS Policy Memo № 417 [Electronic resource]. URL: <http://russianforces.org/podvig/eng/publications/20061208ponars.shtml> (дата обращения: 05.01.2009).

18. *Podvig P.* Russian Strategic Nuclear Forces. Speaking of Nuclear Primacy [Electronic resource]. URL: http://russianforces.org/blog/2006/03/speaking_of_nuclear_primacy.shtml (дата обращения: 03.03.2008).

19. *Powell R.* Nuclear Deterrence Theory, Nuclear Proliferation and National Missile Defense // International Security. Spring 2003. Vol. 27, № 4. P. 86–118.
20. *Rogov S., Yesin V., Zolotarev P.* Can Russia and USA Jettison Reciprocal Nuclear Deterrence? // Social Sciences. 2005. Vol. 36, № 3. P. 125–149.
21. *Sokov N.* Evolution in Nuclear strategy in US and Russia and its Implications in Arms Control // Proliferation papers, Spring 2003. P. : Institute Francois de relations internationals. P. 18–21.
22. *Suchorutchenko V. V., Kreydin S. V.* Topical Aspects of Nuclear Deterrence and Strategic Nuclear Sufficiency // Military Thought. 2004. Vol. 13, № 3. P. 11–20.
23. *Woolf A. F.* Anti-Ballistic Missile Treaty Demarcation and Succession Agreements: Background and Issues. Updated April 27, 2000 // CRS Report for Congress. The Library of Congress. CKI-17 [Electronic resource]. URL: http://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metacrs1351/m1/1/high_res_d/98-496f_2000Apr27.pdf (дата обращения: 05.07.2010).
24. WMD 411 Glossary [Electronic resource]. URL: http://www.nti.org/f_WMD411/gloss.htm (дата обращения: 01.04.2010).

Рукопись поступила в редакцию 12 сентября 2013 г.

УДК 327(470) + 327(510) + 327.57

К. Г. Муратшина

РОССИЯ — КИТАЙ: О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПАРТНЕРСТВА В МЕЖДУНАРОДНОЙ СФЕРЕ (1991–2011)

В статье на основе принятых в течение 20 лет сотрудничества двусторонних документов проанализированы некоторые особенности партнерства РФ и КНР в международной сфере. Автор рассматривает как общее во взглядах сторон, совместные инициативы, так и различия в подходах к некоторым проблемам.

Ключевые слова: РФ, КНР, партнерство, партнерство в международной сфере.

Сотрудничество в международной сфере с начала 90-х гг. XX в. Россия и Китай впервые на четырехвековом пути взаимоотношений осваивали в форме, свободной от союзнических обязательств и идеологических догм. Достаточно длительный период нормализации советско-китайских отношений, предшествовавший началу связей Российской Федерации и КНР, позволил понять важность в постоянно меняющейся международной обстановке согласованных позиций для реализации национальных интересов каждой из стран. Направления и формы сотрудничества, принятые в результате завершения процесса нормализации и зафиксированные советско-китайским Коммюнике 1989 г., отвечали представлениям сторон о принципах и новых качествах сотрудничества. СССР декларировал «мир как высшую ценность», готовность «последовательно стремиться к осуществлению реального разоружения, включая ядерное...», выступал за «приоритет общечеловеческих ценностей и мирное соревнование различных социально-экономических систем» (п. 12); КНР подчеркнула свои принципы: «проводить независимую